

ФИЛОСОФИЯ СОВРЕМЕННОГО НАУЧНОГО ПОЗНАНИЯ: ЯЗЫК СИНЕРГЕТИКИ И СИНЕРГЕТИКА ЯЗЫКА

Лариса П. Киященко

Институт философии РАН, ул. Волхонка, 14, 119992 Москва, Россия

Эл. почта: larisaki@rph.ru

В статье проблема становления современного научного знания рассмотрена через призму языка. Язык в этом контексте понимается не просто как форма, в которой содержание научного знания является внешним. Язык – это способ возникновения и бытия научного знания как определенной реальности, которая возникает как результат когнитивно-коммуникативных практик трансдисциплинарного исследования. Дополнительность взаимовлияния языка синергетики и синергетики языка образует новое единство научного опыта, порождая философию трансдисциплинарности.

Ключевые слова: синергетика языка, язык синергетики, научное знание, трансдисциплинарность.

Проблематизация языка науки

Для классического рационализма язык играл роль нейтрального средства, выступающего в качестве прозрачной среды научных описаний, которая тем лучше, чем меньше субъективных помех вносит в эти описания. В неклассической науке начала XX века возникает понимание зависимости описания реальности не только от средств наблюдения, но и от характера используемого языка. Язык становится собственной проблемой науки: „проникнув с помощью современных технических средств в новые сферы природы, мы узнали, что даже такие простейшие и важнейшие понятия прежней науки, как пространство, время, место, скорость, становятся здесь проблематичными и требуют переосмысления. Подобно затупившимся инструментам, понятия нашего языка по отношению к новому ускользающему от них опыту оказываются уже не корректными“ (Гайзенберг 1987: 212–213). Язык науки в этой ситуации теряет свою прозрачность,

устойчивую идентичность самому себе. Он обнаруживает себя как проблему.

В постнеклассической науке проблематизация языка подвергается дальнейшей радикализации. Это не случайно. В трансдисциплинарных исследованиях описание реальности как определенного рода единства оказывается непосредственно зависимым от того, насколько удастся коммуникация между учеными, работающими в различных дисциплинарных областях. В науке становится слышим гул голосов несовпадающего, множественного „разноречья“ меж- и трансдисциплинарного общения. Диалог в этом случае понимается не только как „беседа двух и более лиц“, но и как „вступление в отношение к языку“ (Бибихин 1998: 427). Оказывается, что процедуры обоснования современного трансдисциплинарного организованного знания должны учитывать не только когнитивные стратегии *понятийного* осмысления, но и коммуникативные

стратегии (ситуационно обусловленные акты речевого взаимодействия), в которых формируется *концептуальное* схватывание реальности. Какого рода язык и в какой форме он может претендовать на роль посредника?

Помимо проблематизации языка как коммуникативного условия трансдисциплинарных исследований, происходит и его дальнейшая проблематизация как когнитивного средства. Поскольку для адекватного описания реального природного, социального или культурного феномена требуется использовать не один, а несколько дисциплинарных языков, то зазор между *означающим* и *означаемым* углубляется. Означаемое ускользает в промежуток *между* многообразием означающих различных дисциплинарных дискурсов.

Парадоксы когнитивно-коммуникативной практики, с которыми эта практика сталкивается, – это парадоксы двусмысливания. Схематично их можно разделить на три группы относительно самого языка, говорящего субъекта и того, о чем ведется речь (предмета).

Первый парадокс интерпретируется в соотношении телеологичности и телеономичности языка. Язык является средством выражения мысли говорящего субъекта, предопределен его желанием высказать нечто как внешней целью. В этом смысле можно говорить о его телеологичности. Но, с другой стороны, язык есть своеобразное „самоговорящее бытие“ (Маркс) или автономная система, в которой сказываемое предопределяется структурными детерминациями собственной жизни языка, органично включающей моменты индетерминированности – случайности. В этом смысле говорится о телеономии языка.

Учет этого парадокса важен как для когнитивных, так и для коммуникативных практик трансдисциплинарных исследований. В отношении к языкам экспериментального диалога с природой или диалога

как эксперимента с другим познающим субъектом мы можем придерживаться двойной стратегии. Учитывая телеологичность языка, резонно пытаться найти некий особый дисциплинарный язык, который целесообразно (хотя бы частично) использовать как средство трансдисциплинарной коммуникации. Математика исконно являлась своеобразным „эсперанто“ науки. Не теряет она этой функции и в современной ситуации. Аналогичную роль в постнеклассической науке может сыграть и язык синергетики, претендующий на междисциплинарный статус.

Вторая стратегия учитывает телеономичность языка. Мы можем искать решение поставленных выше проблем не за счет использования каких-то блоков уже сложившихся языков в качестве контролируемых нами средств, но за счет создания условий самоорганизации языка как в когнитивном диалоге с природой, так и в коммуникативном диалоге с другими познающими субъектами. Эти стратегии будут ниже нами обсуждены в виде дополнительности языка синергетики как средства трансдисциплинарного диалога и синергетики языка.

Второй парадокс является проекцией первого на ситуацию высказывающегося субъекта, который, чтобы понять себя, также должен придерживаться стратегии двусмысливания. Он предстает и как классический субъект, по своей воле целесообразно использующий язык как средство выражения собственных мыслей, и как субъект человекомерный, т. е. погруженный в язык как самоорганизующуюся среду своей жизнедеятельности. В этом смысле сама его субъектность оказывается эффектом (событием) языковой самоорганизации. В первом случае он занимает чисто *теоретическую* позицию, во втором – *практическую* позицию соучастника разворачивающихся событий, изменяющегося в процессе общения.

Третий парадокс, который мы обозначаем, как парадокс пограничного режима

когнитивно-коммуникативных стратегий, связан с тем, что язык постоянно „озабочен“ желанием высказать то, что лежит за пределами самого языка, т. е. поставив себя на границу с иной, до-словной реальностью. Рельефно эта граница обнаруживается тогда, когда в пограничной зоне один язык встречается с другим, предъявляющим свои права на представление до-слового. В пограничном режиме язык постоянно под угрозой потерять себя (смысл), превратиться в шум или, по выражению Р. Барта, „гул языка“. Однако в этой ситуации на грани хаоса и порядка язык оказывается в особой синергетической зоне смыслопорождения, порождения в себе „предметов“ как знаков присутствия возможности, как языковых форм того, что лежит за пределами самого языка.

Тройная парадоксальность, имманентно присущая любому языковому феномену, конкретизирует, в свою очередь, понимание методологической рефлексии постнеклассического (синергетического) типа. Она, в свою очередь, также парадоксальна. В ней всегда есть два как бы такта – ее собственная когнитивно-коммуникативная стратегия и двусмысливающая. Научное знание как предмет эмпирического анализа предстает с точки зрения методологии то как независимая объективная реальность, которую язык методологии должен лишь аккуратно представить, то как „конструкция“ самого этого языка (в зависимости от языка методологии реальность науки предстает в разном виде). Аналогично отношение методолога к собственному языку, который всегда уже дан как предпосылка истолкования и всегда нуждается в изобретении как бы заново. Да и сам он для себя и других двусмысливается в оппозиции объективного наблюдателя (субъекта) и контекстуализированного „телесного“ индивида, погруженного в ситуацию и нагруженного „личностным знанием“.

Такова сеть парадоксов, которую необходимо иметь в виду, говоря о языке когнитивно-коммуникативных практик трансдисциплинарности. Богатые возможности для разрешения (в многозначности помеченных выше смыслов) выявленной парадоксальности предоставляет синергетика как специфический феномен постнеклассической науки.

Язык синергетики и синергетика языка

Слово *синергетика* многозначно. Но уже в самом поверхностном семантическом слое этимологии оно содержит существенный для понимания когнитивно-коммуникативных стратегий трансдисциплинарности смысл *совместного действия*. Не одна „энергия“ (Гутнер 2004), которая диалектически дифференцируется на несколько так, что у них априорно есть общее основание взаимодействия. Но син-эргия множественности априорно разнородных „энергий“: „сил“, „причин“, „субъектов“ и т. д., их *общение без обобщения как некоторого априорно данного основания*. Причем речь идет и об общении (диалоге) с природой, и об общении (диалоге) познающих субъектов в сети трансдисциплинарных коммуникаций.

Этимология настраивает на вполне определенное понимание многообразия смыслов синергетики и на уровне предельных философских обобщений (мировоззрения), и на уровне общенаучной теории (если такая возможна), и на уровне частнонаучных теорий, моделей, работающих в конкретных дисциплинарных областях. Впрочем, линейный образ лестницы уровней не вполне адекватен синергетике. „Для синергетической методологии „все равны“, поэтому линию необходимо представить в виде кольца, где все уровни равны <...>“ (Аршинов, Войцехович 2000: 110–111). Равенство уровней в философском смысле

означает отсутствие *общего априорно выделенного основания*, относительно которого помеченные выше элементы синергетического знания выступали бы как „частности“. Поэтому их *общение без обобщения* образует не иерархическую, а сетевую конструкцию. Как отмечают В. И. Аршинов и В. Э. Войцехович, „в результате синергетическое знание (факты, закономерности, догадки, гипотезы, теории, философские учения) предстает топологически как многомерная сеть“ (Аршинов, Войцехович 2000: 110–111). В каждом конкретном случае философского или научного синергетического исследования может возникнуть свой центр (узел), относительно которого ценность связей с другими элементами сети будет иерархизирована по степени их пригодности (значимости) именно для данного случая, практического (в широком смысле) использования.

В форме *многомерной сети* (а не в виде монодисциплинарного знания) синергетика может рассматриваться как ресурс понимания языка когнитивно-коммуникативных стратегий трансдисциплинарности. При этом вполне в соответствии с описанным выше парадоксом *телеологичности и телеономичности* языкового выражения обсудим поочередно – вначале аспект применения *языка синергетики в трансдисциплинарном исследовании*, а затем кратко обозначим *синергетику самого языка* как смыслопорождающей среды трансдисциплинарных коммуникаций.

Язык синергетики

Синергетика как особое направление научных (вначале преимущественно – естественнонаучных) исследований возникла в связи с наличием в различных дисциплинах (физике, химии, биологии, физиологии и др.) общего класса проблем самоорганизации в системах, характеризующихся сложностью, нелинейностью, неравно-

весностью, открытостью и т. д. „Несмотря на пестроту картины, есть общий сюжет, мотив, объединяющий все синергетическое движение, – это проблема объяснения механизмов возникновения нового или процессов становления процессов, в которых кроется загадка эволюции нашего мира, загадка его творческого начала“ (Аршинов, Буданов 1994: 230). Эта основополагающая загадка, *ретранслируясь и интерпретируясь* в многообразии проблем, вопросов и задач конкретных дисциплинарных подходов, создала, как очень точно выражаются цитированные выше авторы, биографическую общность *сюжета* поведения ученых различных специальностей.

В процессе трансдисциплинарных взаимодействий постепенно сложился специфический языковой тезаурус описания и осмысления подобного рода проблем: широкий спектр математических моделей, методологических схем, вычислительных приемов, теоретических представлений, которые оказалось возможным использовать и применять в разных областях знания (в том числе и социальных и гуманитарных науках). Последнее обстоятельство с самого начала придало синергетике характер междисциплинарного направления, своеобразной „метанауки“. „Синергетика, – по словам Ю. А. Данилова, – с ее статусом метанауки изначально была призвана сыграть роль коммуникатора, позволяющего оценить степень общности результатов, моделей и методов отдельных наук, их полезность для других наук и перевести диалект конкретной науки на высокую латынь междисциплинарного общения“ (Данилов 1977: 10).

Разберем конкретный пример. В. С. Степин анализирует ситуацию, в которой происходит рассогласование между новыми фактами и теоретическими знаниями с основаниями науки. Последнее может привести к модификации существовавшей картины мира и появлению новых исследовательских программ, которые вступают

в конкуренцию со своими предшественниками.

„Каждая из альтернативных программ стремится ассимилировать полученные своей конкуренткой теоретические законы и факты. Конкуренция же альтернативных программ постепенно расшатывает прежнюю системную целостность знаний соответствующей науки, делает ее все более гетерогенной и все острее ставит проблему выбора оснований, которые призваны осуществить систематизацию всего многообразия накопившихся знаний.

Если описывать этот процесс в терминах синергетики, то его можно представить как переход от порядка, который определяется целостной системной организацией знания, к хаосу как набору разнообразных взаимодействующих структур, упорядочивающих прежние системообразующие основания“ (Степин 1994: 18). В этом примере четко прорисовывается принципиально важный аспект, отмеченный Ю. А. Даниловым. Синергетика *переводит* на свой язык методологическое описание ситуации, но не отменяет исходного языка методологии науки. Возникают два параллельных описания – как бы двойная информационная спираль. Различные языки находятся в диалоге друг с другом. Переводят друг друга. Причем полный перевод методологических проблем на синергетический язык не всегда возможен. В. С. Степин не случайно говорит о возможности использования аппарата синергетики для точного (по канонам естествознания) исследования процессов генезиса научного знания лишь гипотетично, скорее как аналогии.

Вместе с тем, поскольку аналогию с синергетическими представлениями удалось выявить, через последние как через посредничество своеобразного междисциплинарного „коммуникатора“ оказывается возможным установить отношения аналогии уже с языками других научных дисциплин. В. С. Степин, в частности, обращает

внимание на аналогию между процессом дифференциации в системе дисциплинарного знания с „дифференциацией клеток в развивающемся организме в процессе морфогенеза“ (Степин 1994: 17).

Следует учесть, что язык синергетики одновременно и использует ресурс первичных аналогий и сравнений, „предельных очевидностей“ на уровне наработанных интуиций в научном знании, и создает условия для обогащения и закрепления нелинейного мышления, развивая своеобразную риторику науки. Последняя дает о себе знать в виде активизации метафорических переносов, сравнений и аналогий, миграции между дисциплинарными знаниями кочующих „мыслеобразов“, порождении концептов – новых неологизмов.

При этом нельзя не согласиться с У. Эко, что давать упрощенные аналогии опасно, но также опасно отказываться от определения связей по причине одного неоправданного страха перед аналогиями, свойственного неискушенным или консервативно настроенным умам. Главное в аналогии ее потенциальная плодотворность (Р. Якобсон), способность провоцировать самоорганизацию научного или философского знания. „Аналогия перестает быть неоправданной, когда становится исходной точкой для дальнейшей проверки: проблема здесь заключается в том, чтобы свести различные феномены (эстетические и прочие) к более строгим *структурным моделям*, чтобы выявить уже не аналогии, а структурные *гомологии*, структурные сходства“ (Эко 2004: 341).

Сможет ли синергетика стать ядром новой научной картины мира, которая будет основана не на аналогиях, а на гомологиях процессов, происходящих в природе, человеческом сознании и социуме, – вопрос, остающийся открытым. В данном случае нам лишь хотелось продемонстрировать коммуникативные свойства языка синергетики в процессах междисциплинарного общения, в котором *язык синергетики, обеспечивая*

общение, не обобщает, но за счет удвоения описания придает последнему дополнительный ресурс креативности, способствуя переоткрытию известного и порождению ранее неизвестного. Язык синергетики и ее концептуальные средства могут с пользой для дела оставаться чистыми „метафорами“, роль которых не в создании и удержании некоторого особого „предмета“ междисциплинарного диалога по типу предмета дисциплинарного знания, но в провоцировании семантических „сдвигов“ – метафорических „переносов“ смысла между различными естественными, гуманитарными и техническими дисциплинами¹.

В заключение нашего рассуждения следует отметить, что язык – это не только семантическая структура, но и способ мышления. Поэтому использование языка синергетики, ее математических моделей и мысленных образов способствует распространению (воспитанию) особого стиля мышления. В школе академика Л. И. Мандельштама (где разрабатывалась теория нелинейных колебаний – предтеча синергетики) в свое время сознательно культивировалось специфическое „нелинейное мышление“. Думается, что распространение языка синергетики выполняет те же задачи культивирования нового стиля мышления. В силу того, что наука говорит на интернациональном языке, нелинейное мышление наряду с познанием нового – когнитивной функцией, присущей истинной науке, – станет выполнять, причем весьма естественно, не менее важную коммуникативную функцию, осуществляя „перевод“ понятий одной области науки на язык понятий, возможно, весьма далекой от

неё области знания². Причем этот перевод будет тем более убедителен, чем в большей степени нелинейное синергетическое мышление будет резонировать с нелинейными характеристиками стиля мышления, которые самостоятельно (автономно) возникают в дисциплинарных областях, так или иначе соприкасающихся с проблемами сложности, формообразования, неустойчивости, становления новых структур. Здесь мы переходим от телеологического использования языка синергетики к телеономическому аспекту – синергетике самого языка (как языка науки, так и обыденного опыта), его способности к самоорганизации и формированию в процессе реального опыта трансдисциплинарной коммуникации специфических „параметров порядка“, обеспечивающих согласованное взаимодействие.

Синергетика языка

Прежде всего напомним, что язык интересует нас не как таковой, но лишь в той степени, в которой он является не просто формальной структурой, а *способом возникновения и бытия* знания как особой *реальности* в системе трансдисциплинарного исследования. Причем *мотив*, который подводит нас к необходимости рассматривать эту особую реальность с позиции синергетики, тот же, что и в других областях знания: попытка осмыслить процессы *порождения нового*, найти соответствующие им „смыслообразы“, свой ключ к *загадке творческого начала*, лежащего в основе этих процессов.

Данная тема обсуждалась достаточно подробно в наших предшествующих публикациях, а также в работах наших коллег (Аршинов, Буданов 2002; Свирский 2001).

¹ Не следует упускать из виду тот факт, что сами аналогии и метафоры представляют собой структуры, удерживающие в представлении эффекты становления, семантических сдвигов и удвоений. В этом смысле они просто дополнительные к традиционным онтологические описания, призванные сохранить „гомологии становления“.

² Ю. А. Данилов обосновывал эти идеи на одном из семинаров Сектора философских проблем междисциплинарного исследования Института философии РАН, который проходил весной 2001 г.

Здесь же мы попытаемся описать структуру *здесь и теперь* языка, которая, как мы полагаем, является сложноорганизованной. В трансдисциплинарных исследованиях язык (как и в других областях) образует *среду* синхронных и диахронных размерностей³ когнитивно-коммуникативных практик, в синхроническом аспекте язык структурирует среду актуального взаимодействия с другими субъектами и природой как особым партнером, в диахроническом – обеспечивает *преемственность* существования собственно человеческих общностей (например, исследовательских коллективов) и специфических общностей человеческих сообществ с природной средой.

Итак, язык является средой, плотью „стыка“ между вопросом и ответом, который определяет нелинейный характер диалогических (вопрос-ответ) отношений, контекстуальность *здесь и теперь* ситуации диалога. Указав на синхронически-диахроническую структуру языкового контекста, мы тем самым помечаем определенную темпоральную организацию *опыта* синергетического движения в языковой среде. Временная квалификация *теперь* как ускользающего момента между прошлым и будущим разворачивается в предложенную

Августином (мы могли бы сказать теперь, сложноорганизованную, открытую) структуру мета-моментов⁴: „настоящего–прошедшего“, „настоящего–настоящего“ и „настоящего–будущего“. На феноменальном уровне опыт трансдисциплинарного общения имеет свою коллективную память удач и неудач *прошлого* взаимодействия, свои ресурсы *актуализации* когнитивно-коммуникативных стратегий в конкретных ситуациях и наработанные сценарии познавательных программ, обращающих исследователей в некое предполагаемое *будущее*.

С одной стороны, на экзистенциальном уровне темпоральная структура опыта всегда уже наброшена – и прошлое, и настоящее, и будущее как бы *проступают* в человеческих ситуациях, мы всегда уже исторически особым образом спрошены. Мы всегда уже отвечаем на какие-то совсем не нами и совсем не сейчас поставленные вопросы, которые предопределяют характер проблем, лежащих в основании трансдисциплинарного исследования, к примеру, проблем экологических, энергетических или экономических. Но, с другой стороны, это *проступание* всегда недоопределено, загадочно, открыто к переопределению – переоткрытию. Если внимательно присмотреться к истории, то можно сказать, что у человека всегда новое – это не только будущее, но и прошлое, которые он сам еще должен произвести (переоткрыть). Возникает парадоксальная ситуация – темпоральные характеристики *проступают* в опыте лишь в той мере, в которой сам человек *поступает* как ответственное – отвечающее на экзистенциальный запрос эпохи – существо.

Естественно, что характер ответственного поступка зависит от ценностной ориентации субъекта (в том числе и коллективного).

³ Мы посчитали уместным заменить обычно употребляемое в этом словосочетании „измерение“ на „размерность“, исходя из контекста употребления понятия „когнитивно-коммуникативная практика“. И вот по какой причине. В своей статье „Что такое синергетика?“ Ю. А. Данилов и В. В. Кадомцев (2006) писали, что „Мандельброт обратил внимание на то, что довольно широко распространенное мнение о том, будто размерность является внутренней характеристикой тела, поверхности или кривой, неверно (в действительности, размерность объекта зависит от наблюдателя, точнее, от связи объекта с внешним миром)“. Далее они продолжали: „... если размерность зависит от конкретных условий, то ее можно выбирать по-разному. Математики накопили довольно большой запас различных определений размерности. Наиболее рациональный выбор определения размерности зависит от того, для чего мы хотим использовать это определение“.

⁴ Не забудем, что приставка „мета“ является греческим эквивалентом латинской приставки „транс“.

Базисная ценностная ориентация вмонтирована в саму темпоральную структуру. В зависимости от того, с каким мета-моментом времени связывается идеальное состояние (норма), все многообразие возможных реакций на ту или иную экзистенциальную ситуацию делится на три конфликтующие группы. Для *консерваторов* идеальное состояние („золотой век“) локализовано в мета-моменте настоящего–прошлого. Поэтому их ответ на любую угрозу (моральную, экологическую или политическую) имеет вид реставрации предшествующего. Для *прогрессистов* идеальное состояние локализовано в мета-моменте настоящего–будущего. Их ответ на любой вызов – стремление создать новое, отвергая как несовершенное и неразвитое все то, что привносится в опыт из прошлого. Наконец, для *реалистов* каждая ситуация предстает как повтор предыдущей. В структуре их ответственного поступания ценность тактик реставрации или новации ситуационно (прагматически) обусловлена.

Таким образом, с какой бы реальной человеческой проблемой, становящейся „предметом“ трансдисциплинарного исследования мы ни столкнулись, в любом случае языковая среда когнитивно-коммуникативных стратегий будет структурирована конфликтующими позициями, в основе которых лежат структуры темпоральных ценностных предпочтений. Учет данного обстоятельства чрезвычайно важен для понимания науки постнеклассического типа в современной техногенной ситуации. Например, в каждой ситуации, когда возникает проблема оценки *риска*, *угрозы* или степени *полезности* той или иной технологической новации, экспертное сообщество моментально распадается на три вышеописанные конфликтующие группы, которые не способны добиться согласия на уровне знания, всегда нагруженного личностными предпочтениями. То, что их объединяет – это языковая среда, писанные и неписанные прави-

ла „языковых игр“ разрешения конфликта, достижение взаимопонимания и договоренности по вопросам, которые задевают за живое каждого участника общения.

Такова в самом первом приближении темпоральная структура *теперь* синергетического движения в языке когнитивно-коммуникативных стратегий постнеклассической науки.

Вкратце остановимся на топологической структурности *здесь* языковой среды. В языке любое *здесь* – это не только точка, но и подвижная многоуровневая структура. На феноменальном уровне она ближайшим образом представлена в системе местоимений⁵ – я, ты, он, она, мы и т. д., которая как бы набрасывает сеть возможных коммуникативных адресатов. Специфику синергетического движения в языке составляет ранее уже отмечавшееся обстоятельство – одним из адресатов является сам язык как особая реальность знания. При чем реальность фундаментально парадоксальная. Для того, чтобы понять или прояснить нечто, мы обращаемся к языку как средству или среде смыслообнаружения и смыслопорождения. При этом сам язык остается непроясненным, ускользающим от любого осмысливающего схватывания. Язык в силу его синергетического характера не поддается жесткому определению, но при этом активно структурирует среду своего существования и изменяется сам, отражает реальность и создает ее в разнообразии форм предметных представлений. Данное обстоятельство принципиально в том отношении, что если язык классической эпохи соотносил мысль с ее предметом где-то на границе между словом и до-словным, то теперь эта граница удваивается и сдвигается внутрь самого языка. Мышление как языковая практика (прак-

⁵ Топологическая структура адресатов местоимений по аналогии со структурой мета-моментов времени может быть рассмотрена как структура мета-моментов пространства (*здесь*).

тика синергетического движения в языке) обнаруживает плотность и непрозрачность иного не только вне себя, но и в самом себе. Синергетика языка усматривается в том, что схваченный в динамике становления, он перманентно выставляет себя напоказ то как гносеологическое (познавательное деятельное, речевое), то как онтологическое системообразующее начало – языковая реальность любого предмета рассмотрения (в том числе и самого языка).

Все это, по нашему мнению, открывает пространство для осмысляющего продвижения в сферу потенциального опредмечивания, формирования (поэзиса) и удерживания нового предметного смысла посредством „исчисления словом“ (Хайдеггер 1998: 59). Конечно, следует не упустить из виду тот момент, что отношение между потенциальным и актуальным (опредмеченным) является существенно нелинейным. Поэтому некоторые исследователи говорят не о потенциальности или возможности, но, подчеркивая нелинейность отношения, о виртуальности (Ж. Делез) или возможностности (В. С. Библер).

На экзистенциальном уровне структура *здесь* задана фундаментальной границей между освоенным и неосвоенным, своим и чужим. Во все, что для человека становится чем-то внутренним, вообще представлением, во все, что он делает своим, проникает язык (Г. Гегель). И одновременно в языке он встречается со следами внешнего для себя, чужого, непредставимого. Язык не только „дом бытия“, но и природная стихия, среда становления. Экологический поворот экзистенциального настроения, описанный выше, задает игру ценностных предпочтений, учет которой принципиально важен для понимания динамики синергетического движения в языке когнитивно-коммуникативных практик трансдисциплинарности. С одной стороны, достижение согласия видится на пути рационального определения использующихся терминов. Но поскольку

это определение возможно лишь в языке, который сам в себе неопределен, то выход с точки зрения некоторых философов видится в сохранении „естественного языка“ и связанных с ним практик обыденной жизни (здорового смысла повседневного опыта). Ниже в связи с проблемой перевода свяжем эти две установки в рамках некоторого единого опыта.

Таков парадоксальный сложноорганизованный „хронотоп“ или „топохрон“ (Свирский 2001) – структура *здесь и теперь* синергетики языка трансдисциплинарного общения с другим (ученым) и иным (природой). Благодаря парадоксальной природе она имманентно *открыта* во вне, причем эта „внешность“ (инаковость) в ней засекается не только на границе с иным, но и внутри нее самой как ее собственная плотность и непроясненность. Важной особенностью постнеклассической науки является включение в эти структуры описанных выше ценностных размерностей опыта. Вступая в отношение к языку, обнаруживая его плотность и плотность (неизбежную непроясненность) в стыке между вопросом и ответом, проблемой и ее гносеологическими модификациями в форме конкретных дисциплинарных вопросов, задач и их решений, мы тем самым с неизбежностью втягиваемся в сложную игру. Учет синергетики языка предполагает, что язык, описывающий ее, сам должен нести в себе элемент становления и соответственно ускользать от четко артикулированных форм (Аршинов, Свирский 1994), существуя в „пограничном режиме“ сложной сети языковых взаимодействий.

Выводы

Дополнительность взаимовлияния языка синергетики и синергетической природы самого языка образует новое единство научного опыта, открытая структура которого делает перспективным общение множественного

дисциплинарного разноречия. В каком-то смысле философия трансдисциплинарности как опыт практического философствования предъявляет образец новой „классики“. Последний отличается от классики конца XIX – начала XX веков готовностью включить в себя эффекты сложности и становления, неоднократно помеченные нами в пограничных ситуациях – там, где научное знание подходит к собственным пределам, которые преобразуются из устойчивых границ в коммуникативные каналы, связывающие ее с социо-культурным контекстом.

Литература

Аршинов, В. И., Войцехович, В. Э. 2000. „Синергетическое знание: между сетью и принципами“, в *Синергетическая парадигма. Многообразие поисков и подходов*. Москва, 107–120.

Аршинов, В. И.; Буданов, В. Г. 1994. „Синергетика – эволюционный аспект“, в *Самоорганизация и наука: опыт философского осмысления*. Москва, 229–242.

Аршинов, В. И.; Буданов, В. Г. 2002. „Когнитивные основания синергетики“, в *Синергетическая парадигма. Нелинейное мышление в науке и искусстве*. Москва, 67–109.

Аршинов, В. И.; Свирский, Я. И. 1994. „Синергетическое движение в языке“, в *Самоорганизация и наука: опыт философского осмысления*. Москва, 33–47.

Бибихин, В. В. 1998. Примечание, в *Хайдеггер, М. Бытие и время*. Москва.

Гайзенберг, В. 1987. *Шаги за горизонт*. Москва.

Гутнер, Б. Г. 2004. „Субъект как энергия“, в *Синергетическая парадигма. Когнитивно-коммуникативные стратегии современного научного познания*. Москва, 490–502.

Данилов, Ю. А. 1977. „Роль и место синергетика в современной науке“, в *Онтология и эпистемология синергетики*. Москва, 5–11.

Данилов, Ю. А.; Кадомцев, В. В. 2006. „Что такое синергетика?“, доступ в интернете: <www.synergetic.ru>.

Киященко, Л. П. 2006. „Феномен трансдисциплинарности – опыт философского анализа“, в *Santalka* 14(1): 17–37.

Свирский, Я. И. 2001. *Самоорганизация смысла (опыт синергетической онтологии)*. Москва.

Степин, В. С. 1994. „Динамика научного знания как процесс самоорганизации“, в *Самоорганизация науки: опыт философского осмысления*. Москва, 8–32.

Хайдеггер, М. 1998. „Время картины мира“, в *Хайдеггер М. Бытие и время*. Москва, 509.

Швырев, В. С. 2001. „Язык науки“, в *Новая философская энциклопедия*. Т. 4. Москва.

Эко, У. 2004. *Открытое произведение. Форма и неопределенность в современной поэтике*. Санкт-Петербург.

ŠIUOLAIKINIO MOKSLINIO PAŽINIMO FILOSOFIJA: SINERGETIKOS KALBA IR KALBOS SINERGETIKA

Larisa P. Kijaščenko

Straipsnyje į šiuolaikinių mokslo žinių problemą žvelgiama per kalbą. Kalba suvokiama ne tik kaip išorinė forma mokslo žinių turinio atžvilgiu, bet veikiau kaip mokslo žinių iškilimo ir buvimo būdas, kaip tam tikra realybė, kuri plėtojasi kaip kognityvinės bei komunikacijos praktikos dalykų ryšių studijose rezultatas. Kalbama apie sinergetikos kalbos bei kalbos sinergetikos sąveiką, kuri suponuoja filosofijos dalykų ryšius (Киященко 2006: 17).

Reikšminiai žodžiai: sinergetika, kalba, sinergetikos kalba, mokslinis žinojimas, dalykų ryšiai.

THE PHILOSOPHY OF MODERN SCIENTIFIC KNOWLEDGE: THE LANGUAGE OF SYNERGY AND THE SYNERGY OF LANGUAGE

Larisa P. Kiyashchenko

The issue of the formation of present-day scientific knowledge is viewed in the paper through the prism of language. Language is seen here not merely as an external form vis-a-vis the content of scientific knowledge, but rather as the mode of emergence and existence of scientific knowledge as a certain reality (Shverev 2001: 509), the one that evolves as a result of cognitive and communicative practices in transdisciplinary studies. The mutual influence of the language of synergy and the synergy of language leads to a new unity of scientific experience and gives rise to the philosophy of transdisciplinarity (Киященко 2006: 17).

Keywords: synergy, language, language of synergy, scientific knowledge, transdisciplinarity.

Įteikta 2006-12-20, priimta 2007-11-23